

**«КАК ПО КРЫЛАМ ЗАШУМЯТ,
ТЕНЕТАМИ РОЩУ ОБСТУПЯТ...»:
О ФЕТОВСКОМ ПРОЧТЕНИИ ОДНОГО СТИХА
«ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ (*Aen.* IV, 121)**

11 марта 1887 года, уже работая над переводом «Энеиды», Фет по рекомендации графа А. В. Олсуфьева обратился к казанскому филологу-классику Д. И. Нагуевскому с просьбой написать примечания к своему переводу. К этому времени Фет уже перевел половину первой книги, используя тексты и немецкий перевод берлинского комментированного издания Т. Ладевига. Изъявляя согласие на сотрудничество, Нагуевский писал: «Избранный Вами текст Ладевига вполне одобряю; только необходимо, чтобы Вы руководствовались новейшим изданием этого текста, обработанного после смерти Ладевига Шапером (Schaper) в коллекции классиков Вейдмана в Берлине. В некоторых случаях (впрочем, весьма немногих), думаю, придется обратиться к изданиям Вагнера и Риббека».¹ Фет воспользовался советом ученого, о чем позже сообщил в Предисловии к своему переводу: «Подобно текстам других латинских поэтов, „Энеида“ испещрена разночтениями, сличение и критика кото-

¹ *Фет/Нагуевский*. С. 384. Имеются в виду издания: Vergil's Gedichte. Erklart von Th. Ladewig. Berlin, 1886. Bd. 2: Aeneide. Buch I–VI. 10. Auflage von Karl Schaper; Bd. 3: Aeneide. Buch VII–XII. 7. Auflage von Karl Schaper (первое изд.: Vergil's Gedichte. Erklart von Th. Ladewig. Berlin, 1871. Bd. 2: Aeneide. Buch I–VI; Bd. 3: Aeneide. Buch VII–XII), а также: P. Vergili Maronis Opera in usum scholarum recognovit Otto Ribbeck. Praemisit de vita et scriptis poetae narrationem. Lipsiae, 1859; более поздние издания: Lipsiae, 1870; Lipsiae, 1881 (только латинский текст, без комментариев); *Wagner Ph.* Vergil's Gedichte. Leipzig, 1830–1841. Bd. 1–5.

рых может быть интересною задачею филологии. Но и в этом случае мы умываем руки, заявляя, что перевод, как в том убедятся знатоки, веден по самому благонадежному тексту Th. Ladewig'a, изданного под редакцией Carl Shaper'a». ² Здесь же Фет сообщает, что знаком с французским прозаическим переводом Д. Низара, который, «невзирая на видимое (далеко не всегда точное) знакомство с делом, вынужден прибегать к перифразам, в которых подчас трудно узнать самый оригинал». ³ По поводу источников в Предисловии от Нагуевского говорится, что он «для перевода избрал *текст* последнего (9-го) издания *Ладевига* (Берлин, 1881), с немногими отступлениями, заимствованными из 3-го издания *Вагнера* и критического издания *Риббека* (Лейпциг, 1859 г. и сл.)». ⁴

Позже в рецензии киевского филолога-классика Ю. А. Кулаковского на фетовский перевод «Энеиды» по поводу примечаний Нагуевского будет отмечено: «...нас удивило несколько то, что сколько мы ни старались найти собственное в его работе, это нам не удалось. Повсюду же мы могли констатировать дословный перевод с немецкого. Преобладают в этом переводе примечания немецкого издания *Karpes'a* ⁵ <...>. Иногда на помощь приходило <...> издание Ладевига». ⁶

Оптимальную организацию совместной работы с Нагуевским Фет видел следующим образом: «...я убедительно прошу Вас сначала беспоощадно подчеркнуть те места для себя карандашом, которые Вы найдете неверными, причем Вы сами увидите, почему они неверны: потому ли, что я превратно понял оригинал, или потому только, что я, как рыба, бьюсь на крючке, которого она ни сбросить, ни проглотить не в силах. Вспомните, что мои ноги, или, лучше сказать, стопы, немилостиво

² Фет А. А. Предисловие // Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора императорского Казанского университета. Часть первая. I–VI. М., 1888. С. IX. Далее — *Энеида*, с указанием части и страницы.

³ Там же. С. IV.

⁴ Там же. С. XI. См. также: С. XXVII–XXVIII, где Нагуевский приводит неполные сведения о дошедших списках текста «Энеиды», об основных комментариях к ней и о некоторых изданиях, включая русские.

⁵ Речь идет об издании: *Vergil's Aeneide für den Schulgebrauch erklärt von Karl Karpes* (последнее: Leipzig: Teubner, 1887), которое в своем предисловии Нагуевский не указывает.

⁶ <Кулаковский Ю. А.> Энеида Вергилия. Перевод А. А. Фета... Часть первая. I–VI. М., 1888. XXVIII+201 // *PВ*. 1888. Т. 194. № 1. С. 292 (отд.: «Новости литературы»). См. также публикацию: Письма Ю. А. Кулаковского к Фету (1887–1892) в наст. томе. С. 442–443.

сердно сдержаны стопами гекзаметра, из которых выскочить я не имею права. В первом случае поправка по Вашему указанию для меня обязательна, а во втором только желательна, если достижима». И далее, высказывая ряд претензий к переводу Низара, Фет пишет: «Загляните, хоть мельком, в академический перевод Nisard'a: там Вы найдете среди всевозможных отступлений от буквы текста и такие диковинки, как „(в книге II, ст. 99): *et quaerere conscius arma*, т. е. зная за собой вину, — *de chercher des armes et un complice à sa haine* (искать оружие и *соучастника* своей ненависти — *франц.*); и (в книге III, ст. 239): *dat signum <specula> Misenus ab alta Aere cavo*, т. е. знак Мизен падает с холма высокого полой медью, — *Misène, du haut d'un roc où je l'ai posté, sonne de la trompette* (Мизен, с высоты *скалы, куда я его поставил*, трубит в трубу — *франц.*); (кн. III, ст. 309): *Labitur, et longo vix tandem tempore fatur*, т. е. зашаталась и, лишь промедливши еле, сказала, — *enfin, ayant recouvré ses esprits, elle me parla ainsi* (наконец, придя в себя, она сказала мне так — *франц.*). (Кн. IV, ст. 104): *Liceat Phrigio servire marito dotalisque tuae Tyrios permittere dextrae*, т. е. пускай уж она фригийскому *служит* супругу и тирийцев *отдаст* тебе как приданое в руки, вместо *<se> soumette à un époux phrighien, et que les Tyriens soient la dot qu'il reçoit de vos mains* (подчинится фригийскому супругу, и пусть тирийцы будут придаными, *которое он получит из ваших рук — франц.*)“ — и это все в прозе, где ничто не стесняет переводчика, кроме правильного понимания текста!»⁷ Таким образом, не все авторитетные издания, которыми пользовался Фет, отвечали высоким требованиям, предъявлявшимся им для создания адекватного русского перевода «Энеиды».

Среди полных русских переводов, выпущенных до Фета, следует назвать перевод В. П. Петрова, выполненный рифмованными стихами (СПб., 1781–1786; alexандрийским стихом), И. Г. Шершеневича (Варшава, 1868; размером подлинника — гекзаметром) и И. Е. Соснецкого (М., 1872; рифмованным анапестом). О степени использования двух последних Фет пишет в Предисловии к собственному переводу «Энеиды»: «...мы запаслись двумя стихотворными переводами наших предшественников и каждый раз, когда нападали на место, требовавшее особой уловки или приема при передаче на русский язык, справлялись у них, ожидая там найти этот прием готовым. Действительно было бы странно,

⁷ *Фет/Назюевский*. С. 387. См. также: Collection des auteurs latins avec la traduction en français, publiés sous la direction de Mr. Nisard, maître de conférences à l'école normale: Lucrèce, Virgile, Valerius Flaccus, œuvres complètes. Paris, 1843. P. 247, 267, 268, 279 (прозаический перевод, без комментариев).

томительно отыскивать вещь, давно уже найденную; — но увь! каждый раз мы находили в обоих переводах полное отсутствие интересовавшего нас вопроса». ⁸ А в письме к Нагуевскому от 11 марта 1887 года сообщал: «...Вы назвали перевод Шершеневича устарелым, но, познакомившись с ним, я нашел в нем простой вольный пересказ содержания „Энеиды“ и буквально не мог из него попользоваться ни одним выражением для своего перевода». ⁹

Чтобы понять разницу в переводческих установках Фета и Шершеневича, чей перевод считался одним из лучших, ¹⁰ приведем объяснение последнего, данное им в Предисловии: «Перевод мой не есть строго ученый труд <...>. Это не подстрочный перевод каждого стиха отдельно со всевозможным сохранением порядка слов подлинника; это и не буквальный перевод: такие переводы, к счастью, уже утратили свое прежнее значение, по крайней мере для большинства образованных людей, которые теперь весьма основательно требуют от переводчика рассказа живого, изложенного языком простым, доступным пониманию каждого. <...> Придавать слишком много значения отдельным словам, в ущерб целой мысли, жертвовать ясностью и верностью смысла ради педантической точности <...> значит, я полагаю, исказить подлинник <...>. Задача переводчика воспроизвести подлинник, но не иначе как в духе того языка, на который переводит. <...> А для того чтобы не впасть в одну из двух крайностей; то есть, чтобы не лишить рассказа необходимой серьезности или не придать ему слишком тяжелого, ученого тона, я ни разу не пользовался ни французскими, ни немецкими переводами

⁸ *Энеида*. Ч. 1. С. X.

⁹ *Фет/Нагуевский*. С. 382.

¹⁰ «...я должен обратить особенное внимание читателей, — писал И. И. Панаев, — на превосходный, истинно поэтический и необыкновенно верный подлиннику перевод *виргилиевой* „Энеиды“, печатающийся в „Современнике“ (этот перевод принадлежит И. Г. Шершеневичу) <...>» (Заметки Нового Поэта о русской журналистике (Ноябрь 1851) // *Современник*. 1851. Т. 30. № 12. Отд. V: Смесь. С. 157). «Очень высокую оценку перевода Шершеневича, — пишет современный исследователь, — дал профессор Модестов в „Лекциях по истории римской литературы“. Но нас перевод Шершеневича уже не удовлетворяет <...> мы никак не можем согласиться с тем, что он передает подлинник: Шершеневич, по существу дела, только излагает содержание подлинника, отказываясь от точной передачи его даже там, где это вполне возможно и необходимо; он заменяет образы Вергилия своими или же просто ими пренебрегает» (*Петровский Ф. А.* Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода // *Вопросы античной литературы и классической филологии*. [М., 1966]. С. 294).

„Энеиды“». ¹¹ Другой переводчик «Энеиды», И. Е. Соснецкий, в своем Предисловии, напротив, уверял, что соблюдает «характер подлинника»: «Если я сумел почти в подстрочном переводе сделать книгу свою общедоступною по языку и *простоте* выражения, я почту себя истинно счастливым». ¹²

В связи с фетовскими принципами перевода древних, на первый взгляд выпадающими из своего времени, несомненный интерес представляет студенческое сочинение семнадцатилетнего Н. А. Добролюбова, написанное на первом курсе Петербургского педагогического института в 1853/1854 учебном году и опубликованное лишь в советское время; это сличение перевода первой книги «Энеиды», выполненного Шершеневичем, с подлинником. «Странно равнодушие, — пишет начинающий критик, — с которым встречен был у нас перевод <...> может быть, виною этому г. Шершеневич, под рукою которого погибли нежные цветы латинской поэзии, пересаженные на чуждую им почву Севера?». Как отмечает Добролюбов, новый перевод «Энеиды» — произведения с «чуждым для нас мирозерцанием» — нельзя считать «большим приобретением для литературы русской»: к сожалению, он «отстывает от подлинника, и несравненно слабее выражает мысли, выраженные Вергилием, — и очень небезукоризнен в литературном отношении». ¹³ Далее критик, не ограничиваясь констатацией и пересмотром лексических и грамматических промахов Шершеневича, скрупулезно перечисляет допущенные им отступления от буквы подлинника, а также образовавшиеся темные места в передаче оттенков мысли Вергилия. Размышления Добролюбова, высказанные им при анализе перевода Шершеневича, выходят далеко за рамки рецензии и без сомнения имеют общеметодологическое значение: «...для воспроизведения в переводе всех красот высокопоэтического подлинника переводчику нужно соединять чрезвычайно много самых разнообразных условий. Прежде всего он должен быть сам поэт. Он должен иметь это особенное поэтическое чутье», которое поможет «заметить и понять красоты великого

¹¹ Шершеневич И. Предисловие // Энеида Вергилия. Варшава, 1868. С. 7–9. Впервые: Современник. 1851–1852. Т. 30–36.

¹² Соснецкий И. Предисловие // Энеида Вергилия. Перевод (в стихах) с латинского Ивана Соснецкого, преподавателя 2-й московской гимназии. М., 1872. С. 3.

¹³ Добролюбов Н. А. О Вергилиевой Энеиде в русском переводе г. Шершеневича; сравнение с подлинником перевода первой книги (1854) / Публ. и предисловие Ю. Г. Оксмана, примеч. А. В. Болдырева // Известия АН СССР. 1936. № 1–2. С. 277, 288.

произведения, воспроизвести в воображении дивные картины, изображаемые поэтом, схватить его тайную, недоговоренную мысль, прочувствовать то, что он чувствовал в своем вдохновении, проникнуться его духом, жить тою жизнью, которая так занимала его и которую так хорошо изобразил он в бессмертных стихах своих...».¹⁴ «Вместе с тем, — продолжает рецензент, — переводчик классического произведения должен быть и ученый. Он близко должен быть знаком с древним бытом, с древними нравами, со всей словесностью древних. Язык, с которого переводит, разумеется, должен быть известен ему в совершенстве, со всеми малейшими оттенками в значении слов, в их размещении, в прибавлении какой-нибудь незначительной частицы и пр. т. п. Мало того — переводчик должен как нельзя лучше владеть тем языком, на который переводит», чтобы «не допустить ни одного неправильного оборота, ни одного нечистого выражения для ближайшей передачи мысли, находящейся в подлиннике... Условия громадные, почти невыполнимые!...».¹⁵ Следует отметить, что перечисленные Добролюбовым качества, необходимые переводчику, предполагают обязательное наличие в нем поэтического чутья: «Только с огромным поэтическим талантом и запасом сведений можно приниматься за такое дело с полною надеждою на успех...».¹⁶

Через восемьдесят лет В. Я. Брюсов, принимаясь за перевод «Энеиды», сформулирует необходимые переводчику поэмы установки, которые в сущности не расходятся с теми, что были перечислены Добролюбовым. По мнению поэта, переводы Н. Квашнина-Самарина и Фета «передают текст Вергилия стих за стихом; второй из них почти слово за слово, так что местами его перевод превращается в настоящий „подстрочник“». Отдав должное фетовскому переводу как «добросовестной работе», Брюсов пишет: «Вергилий никогда не падает до языка прозаического. Все, о чем он ни говорит, он стремится обратить в образ: зрительный или звуковой», подчеркивая, что поэт «всегда предпочитает не назвать предмет прямо, а намекнуть» на него. Что же, по мнению Брю-

¹⁴ Там же. С. 275–276.

¹⁵ Там же. С. 276.

¹⁶ Там же. Говоря о переводе Петрова, Добролюбов отмечал, что в настоящее время он «решительно неудобен для чтения, хотя, если разобрать обстоятельнее, найдешь, что Петров хорошо понимал Вергилия и редко изменял его мысль <...>. Мы сличали с этим переводом несколько мест из перевода г. Шершеневича, где он переводит неверно, и нашли, что у Петрова была мысль правильнее, но выражена так же дурно» (С. 287).

сова, сделали русские переводчики? «Они, так сказать, опростили Вергилия: раскрыли метафоры, которые им показались слишком смелыми, заменили намеки прямыми выражениями, расставили слова в их правильно грамматическом порядке, а на звукопись прямо не обратили внимания. Получился прозаический пересказ содержания поэмы, хотя почему-то изложенный гекзаметрами».¹⁷ До тех пор, писал Брюсов, пока переводчики «Энеиды» «будут переводить только содержание стихов, русской „Энеиды“ существовать не будет. Необходимо передать самую манеру речи Вергилия, его расположение слов, его тропы, его звукопись, его аллитерации».¹⁸

Нетрудно заметить, что сформулированные Добролюбовым и Брюсовым принципы адекватного перевода удивительным образом перекликаются с многими высказываниями Фета.¹⁹ Главную задачу переводчика Фет видит «в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большею частью читает переводчика, а не автора».²⁰ Итак, «буквальность» перевода понимается Фетом как «буквальность» смысла, постигать который способен лишь читатель с чутьем, не ищущий «при-

¹⁷ *Вергилий*. Энеида. Перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. Ред., вступит. ст. и коммент. Н. Ф. Дератани. М.; Л.: Academia, 1933. С. 40 (сер.: «Памятники мировой литературы»). Вместе с тем Брюсов настаивает на сохранении метрических особенностей поэмы, подчеркивая, что «наиболее прославленные места» «Энеиды» «под пером русских переводчиков обратились в стертые клише. Ставший пословицей знаменитый стих Вергилия — *monstrum horrendum, informe ingens, cui lumen ademptum* — у Фета звучит почти комически: „Страшное чудо, урод громадный и зренья лишенный“» (С. 40–41; см.: *Энеида*. Ч. 1. С. 93; III, 658).

¹⁸ Там же. С. 44. О переводе «Энеиды» русскими стихами см. также: С. 39–45.

¹⁹ Не расходятся воззрения Фета и с требованиями к переводчику «Энеиды», сформулированными современным исследователем, который также подчеркивает, что, для того чтобы «правильно передать» поэму, «надо первым делом точно передавать ее содержание, стараясь не упустить никаких его существенных оттенков»; содержание «Энеиды» «теснейшим образом связано со словесным ее оформлением, и поэтому переводчик должен тщательнейшим образом следить за всеми оттенками мысли Вергилия и за теми средствами, какими он пользуется для передачи своей мысли»; переводчик обязан «следить за тем, чтобы вводимые образы, фигуры, тропы, эпитеты» полностью «отвечали Вергилиевой поэтике». См.: *Петровский Ф. А.* Русские переводы «Энеиды». С. 298.

²⁰ *Фет А.* Предисловие // Д. Юния Ювенала Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885. С. 6.

ятной» формы в передаче оригинала. Эти базовые принципы Фет неизменно отстаивает в многочисленных предисловиях и комментариях, в письмах к разным адресатам на протяжении всей жизни. Вместе с тем поэт нигде впрямую не декларирует — и это понятно, — что «читатель с чутьем» лишь тогда воспримет силу оригинала, когда поэтическое чутье, на которое полагается переводчик, будет решающим в воссоздании художественного мира древнего поэта. При этом буквальность грамматическая должна быть принесена в жертву буквальности смысла: «Держась первоначального значения слова, переводить поэта совершенно невозможно. Необходимо отыскать русское слово, которое соответствовало бы не только ясному смыслу данного предложения, но и общему строю всей подлежащей главы».²¹

Таким образом, не следует путать проблему буквального (дословного, подстрочного) перевода с проблемой буквальной передачи общего смысла и «строю», заложенного в переводимом произведении. Пытаясь понять механизм этого устойчивого заблуждения, мы столкнулись с прямо противоположным случаем, когда Фет упорно отказывается от грамматически буквального прочтения одного из стихов, предлагаемого авторитетными изданиями, а также предшествующими (и добавим, последующими) переводчиками, отстаивая свое полярно отличающееся прочтение, которое более точно, как нам кажется, передает поэтику, «строй», смысл и дух оригинала.

Речь идет об эпизоде царской охоты Энея и Дидоны в IV-й книге «Энеиды», известном также в литературе под названием «Страсть Дидоны». Это поворотный пункт всей поэмы. Напомним содержание эпизода. Предводителю троянцев благочестивому Энею предначертано богами стать основателем Рима. В своих скитаниях, предшествующих завоеванию Италии, он останавливается у вдовствующей карфагенской царицы Дидоны. Между Энеем и Дидоной возникает взаимное чувство. Юнона, богиня браков, настроенная враждебно к Энею, с тайной радостью наблюдает за влюбленными, рассчитывая, что их страсть поможет задержать ненавистных ей троянцев и предотвратить завоевание Италии и основание Энеем Рима. Богиня берет на себя хлопоты о том, чтобы на охоте страсть Дидоны разыгралась еще больше; для этого она планирует в момент начала охоты устроить грозу с градом, громом и молнией с тем, чтобы Эней и Дидона, прячась от непогоды, оказались в одной пещере и разделили брачное ложе. Однако несмотря на то, что

²¹ Ср.: Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV. = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887. С. II.

план коварной богини удается, избранник рока благочестивый Эней (а латинское *pius* имеет значение «исполнение своих обязанностей в отношении богов, родины и родителей»), следуя своему предназначению, попирает великую любовь и покидает Карфаген и Дидону, которая, узнав об этом, лишает себя жизни.²²

И вот, давая описание охоты, которую предвкушает Юнона (далее следует еще одно описание уже совершающейся охоты, которое, надо сказать, событийно не отличается от первого), Вергилий вкладывает в уста богини следующие слова: «*dum trepidant alae saltusque indagine cingunt*» (IV, 121), что в фетовском переводе звучит так: «Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят». Приведем контекст.

<Юнона:>

На охоту Эней и несчастная тоже Дидона
В рощу идти собрались, как только при первом восходе
Утренний встанет Титан и землю лучами осветит.
Их-то я темным дождем, перемешанным с градом, в то время,
Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят,
С высоты оболью и все небо подвигну громами.
Спутники врозь побегут и покроются сумрачной ночью.
В ту же пещеру придут и Троянский вождь и Дидона.²³

2 июля 1887 года, в разгар работы над IV-й книгой «Энеиды», Фет пишет Нагуевскому:

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Четвертая книга согласно драгоценным указаниям Вашим в настоящее время исправлена до мельчайших подробностей, оказавшихся описками, отсутствующими в остающемся у меня экземпляре. При этом решаюсь представить Вам следующие две поправки.

Ст<их> 121. Дело военное, а тем более охотничье, в сущности весьма мало подвинулось вперед с древнейших времен. Вашею заметкою (не сохранилась. — С. И.) Вы заставили меня с большею ясностью всмотреться в смысл этого стиха. Я перевел первоначально *alae* словом *кричан*, которым на охотничьем языке называется вся шумящая цепь загонщиков, проходящая лесом по направлению к рассыпанным, т. е. повешенным на кустарниках тенетам, к которым по недостаточности их долготы с обоих боков приставляются подобные же сети, именуемые и до сих пор у охотников крыльями, а когда настоящих таких крыльев нет, то вместо их при-

²² См.: Вергилий в изложении Лукаса Коллинза. Сборник древних классиков для русских читателей. Перевод с английского. Под ред. проф. С.-Петербургского университета И. Помяловского. СПб., 1876. С. 84–98 (Гл. IV: Дидона).

²³ *Энеида*. Ч. 1. С. 103–104, ст. 117–124.

вязываются веревки с подвесками из разноцветных лоскутьев, мочал и перьев, что неоднократно я сам видал на охотах с тенетами и о чем говорится в словаре Люне-мана под словом *alae* (крылья; зд.: перьевые лоскутья — *lat.*) — *die Federlappen, die bei der Umstellung eines Waldes angebracht werden* (перьевые лоскутья, которые вешаются при огораживании леса — *нем.*) <...>. Следовательно, как раз указано наше место, в котором Вергилий очевидно говорит не о погонщиках и тем менее конных, которых в лесу быть не может, а о прямо противоположной линии совершенно готовых к восприятию зверей тенет. Поэтому нельзя согласиться с толкованиями Ladewig'a, превращающего Энея и Дидону с их провожатыми в *alae* (крылья; зд.: фланги войска — *lat.*) — легиона или эскадрона, т. е. в чернорабочий кричан, тогда как на охоте, в их удовольствие происходящей, им следует наслаждаться зрелищем попадающих в тенета зверей, а не загонять зверей, ничего не видя, для кого-то. Итак, если бы я переводил прозой, то перевел бы: *пока дрожат (трепещут) крылья и рощу тенетами окружают*; и согласно этому предлагаю стих по исправлению: «как по крылам зашумит и тенетами рощу обступят».²⁴

Действительно, *alae* (plur. от *ala*) в латинском языке означает не только крылья, но и фланги, а также конные отряды, а *trepido, -āre* — дрожать, трепетать; суетливо бегать туда-сюда, спешить; бояться. В одном из учебных изданий, составленном по Т. Ладевику, К. Каппесу и др., в комментариях к стиху 121 IV-й книги говорится: «**dum cingunt — в то время, как охотники с двух сторон торопливо окружают лес облавою.** Как прикрытия флангов легиона конницею назывались *alae*, так названы в данном месте конные охотники, находившиеся с обеих сторон Энея и Дидоны».²⁵ В прозаическом подстрочном переводе А. Соколова: «**пока отряды всадников беспокоятся и опоясывают рощи окружением,** — пролью его сверху и восколеблю громом все небо».²⁶ В пособии для духовных училищ Е. А. Логвинова: «Я пролью на них сверху черное облако, смешав его с градом, **пока отряды (конницы)**

²⁴ Фетл/Нагуевский. С. 397–398. В окончательном тексте, в соответствии с грамматической формой 3-го лица plur. от глагола *trepido* — *trepidant*, стало «зашумят» вместо безличного «зашумит» — вероятно, точнее выражавшего изначальную феттовскую мысль. Грамматически более правильный окончательный вариант породил невольную двусмысленность: кто зашумит? крылья? охотники, включая Энея и Дидону? Фету важен был временной оттенок: пока крылья трепещут и опоясывают рощу (лощину) тенетами, т. е.: как только начнется охота, Юнона прольет дождь.

²⁵ P. Vergilii Maronis Aeneidos. L. I–VI. С примечаниями, составленными по Ладевику, Каппесу, Фрейнду и др. П. Н. СПб., 1878. С. 68 (2-я паг.). Здесь и далее полужирным выделено мною. — С. И.

²⁶ Четвертая, пятая и шестая книги Энеиды Вергилия. В русском переводе с подстрочными примечаниями. Составил А. Соколов. Киев, 1880. С. 10.

спешат и окружают леса кордоном <...>.²⁷ В комментариях С. И. Гинтовта сообщается: «*alae*, собств. „крылья“, здесь отряды конных охотников, двигавшихся, подобно кавалерии римского легиона, с флангов; свободн. перев.: **конные охотники с обеих сторон**, *trepidant* (собств. «трепещут») указывает на поспешность действия *cingunt*; перев. как *trepidantes* наречием *pospешно*, опустив союз *que*, *saltus* — *опушку леса*, *indagine* кордоном, то есть загоняя зверей».²⁸ В прозаическом подстрочном переводе Ф. З. Пемова: «**И пока отряды (охотников) суетятся и окружают кордоном (облегают) лес**, я пролью на них сверху черный ливень <...>».²⁹ В учебном издании А. Новикова: «**И вот в то время, когда боковые отряды охотников поторопятся оцепить кордоном лесистую гору**, я пушу на них сверху проливной дождь <...>».³⁰ В прозаическом подстрочном переводе В. Любимова: «**В то время как охотники с обеих сторон (фланги) поспешно окружают (трепещут и окружают) кордоном (обложением) опушку леса**, я пролью на них сверху черный ливень <...>».³¹

²⁷ Пособие к чтению и изучению П. Вергилия Марона. Слова, комментарии и перевод четвертой книги Энеиды. Составил Е. А. Логвинов, учитель Киево-Софийского духовного училища. Киев, 1884. С. 10.

²⁸ *Вергилий П. Марон*. Энеида. Песнь IV с введением, примеч и 16 рис. Объяснил С. И. Гинтовт, наставник-руководитель имп. С.-Петербур. историко-филол. ин-та: В 2 ч. Ч. 1: Текст; Ч. 2: Комментарии. СПб., 1893. Ч. 2. С. 24 (Иллюстр. собр. греч. и римск. классиков с объяснительными примеч. под ред. Л. Георгиевского и С. Манштейна).

²⁹ Энеида. Песнь IV: В 2 ч. Ч. 1: Текст (по изд. Тейбнера); Ч. 2: Слова, синтаксич. разбор с грамматич. примеч. и перевод. Составил Ф. З. Пемов. Киев, 1910. Ч. 2. С. 86.

³⁰ *Вергилий*. Избранные песни Энеиды (Размеченный текст, подстрочный перевод, литературный перевод, синтаксические обороты, слова, примечания). 4-ый вып. 4-ая песнь. Составил А. Новиков. СПб., 1910. С. 17 [321]. Ср. с его же литературным переводом, где неожиданно возникает фетовский вариант, вероятно заимствованный у поэта: «В то время как крылья трепещут и окружают рощи кольцом <...>» (С. 18 [322]).

³¹ *Вергилий П. Марон*. Энеида. Песнь IV-я. Перевод песни сопровождается подробным синтаксическим разбором ее. В конце книги приложен отдельный словарь, составленный в порядке следования неизвестных слов и выражений в латинском тексте. Составил В. Любимов. Одесса, 1914. С. 9. См. также гимназические издания словарей к «Энеиде», в которых к ст. 121 кн. IV-й дается перевод *alae* как «конные охотники с обеих сторон»; *trepidāre* — «торопливо бегать туда и сюда, спешить» (P. Vergili Maronis Aeneis. Ч. 1. Кн. I–VI. Текст с объяснительным словарем. Изд. для употребления в гимназиях В. Г. Храпко, преподаватель Тифлисской 2-ой мужской гимназии. Тифлис, 1899 (на титуле: 1900). С. 7 (2-я паг.); Полный словарь к четвертой песне «Энеиды» Вергилия. Составил М. М. Гринфельд. Одесса, б. г. С. 14).

Необходимо отметить, что комментированные издания «Энеиды», включая издания последнего времени, так или иначе восходят к комментариям грамматика конца IV — начала V века н. э. Сервия (Maurus Servius Honoratus), которые переиздаются по сей день. Так, в издании IV-й книги «Энеиды», подготовленном А. Писом, в комментариях к стиху 121 говорится: «*dum trepidant* <...> Serv.: *festinant* (спешить, торопиться; ускорять. — С. И.); *alae*: Serv.: *equites* (конница. — С. И.). <...> Употребление *ala* в этом значении происходит от общепотребительного значения, обозначающего подразделение солдат, в особенности кавалерии».³²

Обратимся к русским переводам. В переводе В. Петрова:

Завтра, лишь заря на небо ускорит,
И солнце круг земной лучами озарит;
Еней с несчастною Дидоной, для забавы,
Изыдет в шуме труб, на лов зверей, в дубравы,
Как станут круг лесов тенета расставлять,
И всадники свой рыск на добычь устремлять;
Вдруг бурю страшную рука моя воздвигнет.³³

Итак, *alae trepidant* передано Петровым как *всадники устремляют свой рыск*.

В переводе М. Д. Деларю:

Завтра Эней, с злощастной Дидоной вместе, на ловлю
В ближний отправятся лес, лишь только из первых туманов
Снова изыдет Титан и лучами всю землю осыплет.
Тут я черную тучу на них, отягченную градом
(Сетью пока, суетясь, окружают ловцы всю долину),
Сверху пролью и перуном небесную твердь поколеблю.³⁴

Здесь латинскому *alae trepidant* соответствует *ловцы, суетясь*. В качестве русского аналога *indāgo, gñis* — окружение, облава, засада — Деларю предлагает слово «сетью».

В переводе И. Г. Шершеневича:

³² Publi Vergili Maronis Aeneidos. Liber quartus / Ed. by Arthur Stanley Pease. Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1935. P. 175.

³³ Еней. Героическая поэма Публия Виргилия Марона. Переведена с латинского г-ном Петровым. [СПб., 1781–1786]. Ч. 1. С. 166, ст. 171–177.

³⁴ Дидона (Четвертая песнь Энеиды) / С латинского М. Деларю // Современник. 1837. № 4. С. 180.

Наш Эней собирается завтра с несчастной Дидоной
В лес на охоту идти, как только из бездны тумана
Светлый Титан поднимет чело и лучами заблещет.
И когда поезд зашумит и темную рошу
Сетью област, тогда соберу я черные тучи <...>³⁵

Здесь *alae trepidant* — *поезд зашумит*.

В переводе И. Е. Соснецкого:

<Эней и Дидона>
Готовятся вместе заняться охотой
Лесною назавтра, лишь Феб приподнимет
Чело огневое и мир весь осветит.
Пока звероловы начнут расходиться
По лесу и ставить охотничьи сети,
Сберу я на небе огромные тучи <...>³⁶

Здесь *alae trepidant* — *звероловы (начнут) расходиться*.

В переводе Н. Д. Квашнина-Самарина (дактилический гекзаметр)
1893 года, т. е. после Фета:

Мыслят завтра Эней и несчастная эта Дидона
В роши на ловы идти, лишь впервые народам покажет
Лик свой Титан и лучами вселенную снова осветит.
Черную тучу на них и с дождем и с губительным градом,
Пугала ставят пока и дубравы сетями обводят <...>³⁷

Здесь, вероятно, самое близкое к Фету толкование: *alae trepidant* — *пугала ставят*, хотя в Предисловии к своему переводу Квашнин-Самарин пишет: «„Энеиду“ переводили уже не раз, но ни один из этих переводов не занял в литературе того места, которое сразу заняли гомерические эпopeи в переводах Гнедича и Жуковского. При этом мы не говорим о переводе г. Фета, который вышел еще недавно (пять лет назад. — С. И.) и с которым в настоящую минуту мы еще не знакомы, ибо боялись каких-нибудь невольных заимствований».³⁸ Возможно, переводчик понимал, что не Эней и Дидона с их свитой ставят пугала, однако уверенности в этом текст перевода не дает.

³⁵ Энеида Virгилия. Перевод И. Шершеневича. С. 90.

³⁶ Энеида Virгилия. Перевод (в стихах) с латинского Ивана Соснецкого. С. 129.

³⁷ Энеида Virгилия. Перевел с подлинника Н. Квашнин-Самарин. СПб., 1893. С. 78.

³⁸ Квашнин-Самарин Н. Предисловие // Там же. С. III.

Удивительно, но, блестяще сформулировав, как надо переводить «Энеиду», В. Я. Брюсов дал вполне традиционный перевод стиха 121, однако — и это важно — развел в разные стороны охотников и кавалькаду с Энеем и Дидоной:

В лес на охоту Эней и Дидона несчастная вместе
Ехать готовятся ныне. Первые только восходы
Завтрашний явит Титан и землю изменит лучами,
Облак чернеющий я, смешав его с градом, над ними
(В час, как ловцы заспешат и холмы опояшут облавой)
Ливнем пролью и небо все поколеблю громами <...>³⁹

И, наконец, в одном из лучших современных переводов — С. А. Ошерова:

Ехать собрался Эней с Дидоной несчастною вместе
Завтра охотиться в лес, чуть только Титан над землю
Встанет и ночи покров распахнет лучами своими.
Тучу, несущую град, разолью над ними, едва лишь
Конный рассыплется строй, окружая рощу облавой;
Бурю обрушу на них <...>⁴⁰

Здесь *alae trepidant* переведено как *конный рассыплется строй*.

Для полноты картины необходимо, вероятно, привести хотя бы одну из многочисленных пародий на «Энеиду», к примеру, Н. П. Осипова:

<Юнона>
Взбешу их завтра на охоту,
Вздурю за зайцами гонять;
Потом нашлю дождливы тучи <...>⁴¹

Фетовское «Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят» дает картину трепещущих на ветру крыльев (перьевых лоскутьев) тенет, или сетей, подвешенных на деревьях и кустарниках с концов основных сетей, с тем чтобы, отпугивая колебаниями и шумом от ветра, направлять загоняемых кричанами (загонщиками) зверей. В очерках «Из деревни»

³⁹ Вергилий. Энеида. Перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. С. 118. Брюсов перевел первые семь песен, остальные — С. М. Соловьев.

⁴⁰ Вергилий Публий Марон. Энеида / Пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского // Вергилий Публий Марон. Собрание сочинений / Вступит. ст. В. С. Дурова. СПб., 1994. С. 182, ст. 117–122.

⁴¹ Н. О. <Осипов Н. П.>. Виргилиева Енейда, вывороченная наизнанку. 2-е изд.: В 4 ч. СПб., 1801. Ч. 2. С. 33 (впервые: СПб., 1791–1796).

Фет, описывая охоту на зайцев в Германии, упоминает о таком «кричане»: «...показалась цепь крестьянских мальчиков (так называемый *кричан*), и по ветру до нас стали долетать их пискливые возгласы. <...> По мере приближения кричана число зайцев и возникающая между ними суетливая беготня все увеличиваются. <...> Кричан дошел до нас, и нам надо было переменить место для повторения операции».⁴² Об охоте с кричаном на зайцев вспоминал С. Т. Аксаков: «Наступление зимы <...> опять дало мне возможность предаваться моим охотам. <...> Отец брал меня с собою, и мы, в сопровождении толпы всякого народа, обметывали тенетами лежащего на логове зайца почти со всех сторон; с противоположного края с криком и воплями бросалась вся толпа, испуганный заяц вскакивал и попадал в расставленные тенета. Я тоже бегал, шумел, кричал и горячился <...>».⁴³ Схожее описание находим у Е. Э. Дрянского: убегающей от охотников лисе «проход в камыши забран предательской стенкой из тенет, а по крылам стоят грозные тететчики, кто с ружьем, кто с дубинкой...».⁴⁴

Трудно представить себе карфагенскую царицу, величественно восседающую на «звонконогом» коне, облаченную в тяжелый пурпурный плащ (окаймленную Сидонскую хламиду), скрепленный золотой застежкой, в золотой диадеме и с золотым колчаном за спиной, окруженную кавалькадой пунической знати («в злате и в пурпуре ярком»), и при этом вместе с этой знатью *trepidant* — суетливо снующую туда-сюда, окружая рощу облавой. Пышному выезду предшествует ранним утром выезжающий из ворот и сопровождаемый сворой собак отборного юношества, везущий охотничьи приспособления: сети, тенета, охотничьи копыя, рогатины (ст. 130–132); им же, вероятно, и предстоит до начала охоты развесить эти тенета и крылья к ним. В сцене царской охоты Дидона, снабемая внутренним огнем любовной страсти к Энею, подчеркнута статично выписана Вергилием вплоть до завершающего

⁴² Фет. *ССУП*. Т. 4. С. 319–321.

⁴³ Аксаков С. Т. Семейная хроника и воспоминания. 7-е изд. СПб., 1891. С. 272–273.

⁴⁴ Дрянский Е. Э. Записки мелкотравчатого / Предисл. и примеч. В. М. Гуминского. М., 1985. С. 163 (впервые: СПб., 1859); см. также: С. 121, 122. Это же название продолжает оставаться в современном охотничьем языке: «названия участников облавных охот — „кричане“ и „крыловые“. Первые — это загонщики, поднимающие зверя покрякиванием, а вторые — загонщики, стоящие на флангах (на крыльях)» (см.: Смирнов Н. Охотничий язык как разновидность народной речи // Охотничьи просторы. М., 1960. Вып. 15. С. 233. См. также: Словарь охотника / Сост. В. Г. Холостов. М., 1972. С. 36).

охоту эпизода в пещере. Она находится под властью воли богов и коварных планов Юноны задержать Энея браком с нею и не допустить предначертанного ему основания Рима. Не ловля зверей занимает мысли Дидоны. Чувство собственного достоинства не дает ей признаться Энею в любви, и накануне охоты она лихорадочно мечется по городу, ищет совета у сестры, приносит жертвы Юноне, богине браков. Ослепленная страстью, подобно доверчивой лани, раненной охотником, она уносит в себе его смертоносную стрелу:

Бедная пышет огнем Дидона и в городе целом
Мчится в безумстве она, как лань с попавшей стрелою,
Что среди Критских лесов нежданную ранил оружием,
Гнавшись за нею, пастух, и, не зная, с летучим железом
Бросил; она по лесам и долам Диктейским в побеге
Мчится; в паху у нее засел тростник смертоносный.⁴⁵

IV, 68–73.

В художественной целостности IV-й книги эта сцена, безусловно, «подсказывает» не только эпизод охоты, сообщая ему заданную предопределенность, но и ее концовку — Дидона, обманутая и брошенная уплывающим к своей цели — Лациуму — благочестивым Энеем, поднимается на костер и лишает себя жизни мечом, подаренным им же: «... в ярости страшной / На костер поднялась и меч обнажила Дарданский, / Дар...» (IV, 645–647).⁴⁶ Для Вергилия-поэта символические тенета расставлены и готовы принять самих Энея и Дидону, загнанных непогодой в пещеру, где происходит ночь любви, после которой, согласно замыслу Юноны, Эней становится мужем Дидоны, царем Карфагена и уже никогда не станет основателем Рима. В пользу того, что именно таков был замысел Вергилия, косвенно свидетельствует и то обстоятельство, что сюжет IV-й книги «Энеиды» (искушение Энея любовью Дидоны), фабула первой части которой повторяет гомеровскую «Одиссею», перекликается с эпизодом с Калипсо (женщина, задерживающая героя). В сюжетном плане Вергилий так монтирует реальную сцену охоты, что между царским выездом с подробным описанием одежд Энея и Дидоны и их встречей в пещере нет ни единого упоминания о них ни в событийном, ни в эмоциональном плане; оттеняет эту статичность картина стремительной азартной скачки между несущихся с гор оленей и диких коз неожиданно появившегося Аскания, сына Энея:

⁴⁵ *Энеида*. Ч. 1. С. 102.

⁴⁶ Там же. С. 123.

Мальчик Асканий меж тем, горячим конем восхищенный,
Вдоль по долинам то тех обежит, устремляясь, то этих,
И желает с мольбой, чтоб между безвредных животных
С гор или в пене кабан, иль лев желтоватый спустился.⁴⁷
IV, 156–159.

Проницательно почувствовал эту новаторскую для своего времени особенность поэтики Вергилия И. С. Тургенев. В письме к Фету от 13 (25) сентября 1873 года он замечает: «Постройка, характеры и пр. его „Энеиды“ не имеют значения; но в отдельных выраженьях, в эпитетах, в колорите он не только поэт — но смелый новатор и романтик. Напомню Вам „*per amica silentia lunae*“ («при дружественном безмолвии луны» — лат.) (хоть бы Тютчеву) — или „*futura jam pallida morte*“ («побледневшая от грядущей смерти» — лат.) (о Дидоне, когда она с яростью восходит на свой костер, чтобы покончить с собою) и т. п.».⁴⁸

Фет-поэт конгениально Вергилию почувствовал, что Дидона и Эней должны быть статичны в сцене охоты и никак не могут быть ни в составе конных охотников, ни звероловов, ни ловцов, ни ловчих, ни всадников, ни поезда, ни кричана, ни эскадрона, ни легиона, что противоречило бы художественной правде «Энеиды» и замыслу ее создателя. Представляется правомерным связать сцены обеих охот из IV-й книги с эпизодом преследования предводителя латинского племени рутулов Турна раненым стрелой Энеем (Турн — после Дидоны второй антагонист Энея, последнее его препятствие на пути к основанию Рима) из заключительной XII-й книги поэмы, в которой аналогия возникает через схожие охотничьи реалии и термины:

Гонится и по пятам теснит дрожащего пылкий:
Как оленя порой, что внезапно отхвачен рекою,
Или же страхом объят посреди краснеющих перьев,
Гонит охотничий пес и его преследует лаем <...>⁴⁹
XII, 748–751.

Ср. у С. А. Ошерова:

Гонится, гневный, бежит по пятам за трепещущим Турном.
Так за оленем, когда он рекой от леса отрезан,
Или обложен кольцом пугающих перьев пурпурных,
Мчится охотничий пес, настагая с лаем добычу <...>⁵⁰
XII, 748–751.

⁴⁷ Энеида. Ч. 1. С. 104.

⁴⁸ Тургенев. Письма. Т. 12. С. 221.

⁴⁹ Энеида. Ч. 2. С. 190.

⁵⁰ Вергилий Публий Марон. Энеида / Пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского. С. 363–364. См. также коммент.: «Пугающие перья — Цепочкой красных перьев оцепляли лес, где травили зверя» (С. 465; коммент. Н. Старостиной).

Не исключено, что примечания к стиху 750 написаны не Нагуевским, а самим Фетом, так же как и примечания к книгам VII–X: «750. *Посреди краснеющих перьев*; чтобы захватить большее пространство перед убегающим зверем, охотники протягивают от обоих крыльев тенёт веревки, на которых развешивают красные и вообще яркие лоскутья, пугающие зверей своими непривычными пятнами. К этой хитрости прибегают охотники по сей день. Легкие, от ветру качающиеся перья, конечно, всего при этом удобнее».⁵¹ Победа в этом поединке с Турном остается за не отклоняющимся от своего предназначения Энеем,⁵² благодаря вмешательству Юпитера в козни Юноны. Следует заметить, что в одном из современных комментариев к стиху 121 IV-й книги со ссылкой на четырехтомное издание комментариев к «Энеиде», осуществленное Джеймсом Генри, говорится: «*Alae* были здесь предположительно объяснены как красные перья, которые использовались для запугивания дичи; ср.: Aen. 12, 750–751».⁵³ Дж. Генри, дав сводку имеющихся разноречивых комментариев к ст. 121, предложил свое прочтение: «Я согласен с Сервием и Ладевигом и не согласен с Гейне, Вагнером и Форбигером, что *alae* — это *equites* (конница — лат.), а не *pinnae* (перья — лат.) или *Federlappen* (перьевые лоскутья — нем.) <...>. Полагаю, что в соответствии с очевидной конструкцией „*alae venantum occultant corpora [sua], i. e., equites venatores occultant se*“ (перья дичи скрывают тела [их], т. е., конные охотники прячутся — лат.)».⁵⁴ Не вдаваясь в правомерность такого контаминированного истолкования *alae*, отметим лишь, что оно также, как и у Сервия, предполагает *equites*. Добавим только, что едва ли Вергилий, подробно описывая богатые одежды собравшихся на охоту Дидоны и Энея, преднамеренно не заметил перья, полностью скрывавшие их. Таким образом, перевод Фета *alae* как «крылья» тенет совпал с несколькими из вероятных и малоизвестных вариантов комментария, вызывавшего споры.

Итак, в собственном варианте перевода указанного стиха Фет следует не школьной грамматической буквальности, которая противоречит

⁵¹ *Энеида*. Ч. 2. С. 190. См. также: *Фет/Нагуевский*. С. 420.

⁵² О предопределении Энея и его миссии см.: *Ошеров С. А.* История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия // *Античность и современность: К 80-летию Федора Александровича Петровского* / Сб. ст. М., 1972. С. 317–329.

⁵³ *Publi Vergili Maronis Aeneidos. Liber quartus* / Ed. by Arthur Stanley Pease. P. 176.

⁵⁴ *Henry J. Aeneidea, or Critical, Exegetical, and Aesthetical Remarks on the Aeneis...* In 4 vols. Dublin, 1878. Vol. 2. P. 625–626. Речь идет о немецких филологах, издателях Вергилия Христиане Готлибе Гейне (Heune), Филиппе Вагнере (Wagner) и Альберте Форбигере (Forbiger).

духу и поэтике переводимого произведения, а, благодаря поэтическому чутью, выявляет один из исконных смыслов, заложенных в поэму Вергилием. Ученый-классик О. А. Шебор восторженно писал о переведенной Фетом комедии Плавта «Горшок» (*Aulularia*): «Филолог, тем более специалист по Плавту, отдавая полную справедливость талантливости перевода г. Фета в общей сложности, заметит в нем, без сомнения, немало недочетов и погрешностей в частностях, но и он, наверно, найдет в нем много такого, что с удовольствием занесет на поля своего экз<емп-ляра> Авлюлярии».⁵⁵

Подводя итог нашей статье, подчеркнем, что переводы Фета не только не отошли в историю, но и являются полноправными комментариями к древним: современные филологи-классики найдут в них немало поучительного при комментировании «темных» мест, еще не получивших адекватного осмысления.

⁵⁵ См.: *Шебор О. А.* Тита Макция Плавта «Горшок» (*Aulularia*), перевод А. Фета. М., 1891. С. 1 (отд. оттиск из: *Филологическое обозрение*. 1891. Т. 1. С. 1–14). За помощь в переводе латинских цитат приношу благодарность К. А. Богданову.